

Самые яркие звезды

Автор:

[Анна Тодд](#)

Самые яркие звезды

Анна Тодд

Модное чтение Самые яркие звезды #1

Карина знает от матери десятки преданий о звездном небе – что звезды имеют божественную природу и что самые яркие из них сгорают первыми.

Иногда Карина ощущает себя как те самые светила. На ее долю выпало слишком много испытаний, и ее внутренний огонь, кажется, скоро превратится в пепел.

Но все меняется, когда она знакомится с Каэлом. Его трудно не заметить: он красив, молчалив, терпеть не может запах мяты, явно заинтересован Кариной, но закрыт и совсем неразговорчив. Карина загорается идеей узнать как можно больше об этом человеке. Но, как предупреждала ее мать, самые яркие звезды сгорают первыми...

Анна Тодд

Самые яркие звезды

Данное повествование не является документальным. Имена, люди, места и события – либо плод вымысла, либо используются автором произвольно, и любое сходство имен, как живых, так и умерших людей, названий организаций и мест, событий, – результат случайного совпадения.

Anna Todd

THE BRIGHTEST STARS

Copyright © 2018. The Brightest Stars by Anna Todd

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency and Andrew Nurnberg Literary Agency the moral rights of the author have been asserted

Перевод с английского Елены Корягиной

© Корягина Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Плей-лист

«One Last Time» - Ariana Grande

«Psycho» - Post Malone

«Let Me Down Slowly» - Alec Benjamin

«Waves» - Mr. Probz

«Fake Love» - BTS

«To Build A Home» - The Cinematic Orchestra

«You Oughta Know» - Alanis Morissette

«Ironic» – Alanis Morissette

«Bitter Sweet Symphony» – The Verve

«3AM» – Matchbox Twenty

«Call Out My Name» – The Weekend

«Try Me» – The Weekend

«Beautiful» – Bazzi

«Leave A Light On» – Tom Walker

«In the Dark» – Camila Cabello

«Legends» – Kelsea Ballerini

Гуго де Сент-Винсенту

Надеюсь, в этой книге ты увидишь страсть и будешь и дальше мною гордиться.

Я страшно по тебе скучаю. Постараюсь пить побольше красного вина – за тебя.

Покойся в мире.

Глава 1

Карина, 2019

Всякий раз, как открывается со скрипом старая деревянная дверь, в кофейню влетает ветер. Для сентября необычайно холодно; наверное, вселенная решила

наказать меня за то, что я согласилась встретиться с ним именно сегодня. О чем я только думала?

Я едва успела замазать круги под глазами. А одежда, которая на мне, – когда ее в последний раз стирали? Опять же, о чем я вообще думала?

Сейчас-то я думаю о том, как болит голова, а я не знаю, есть ли в сумке таблетки. А еще о том, что удачно села у дверей; если понадобится – смогу быстро выскочить. Кофейня? Скромное местечко, романтика отсутствует напрочь. Тоже правильно выбрала. Я была здесь лишь несколько раз, но это моя любимая кофейня в Атланте. Зал маленький, всего десять мест, поэтому долго засиживаться нежелательно. Есть тут пара вещей, которые стоило бы сфотографировать и куда-нибудь выложить: панно из живых суккулентов, красивая черно-белая плитка на стене бара, однако в целом интерьер строгий. Серого бетонного цвета. Шумят блендеры, перерабатывают фрукты, или из чего там сейчас делают сок...

Единственная скрипучая дверь – через нее и входят, и выходят. Я поглядываю на телефон и вытираю ладони о свое черное платье.

Обнимет ли он меня? Или захочет ли пожать руку? Нет, такой официальный жест трудно представить...

Проклятье. Я тут себя накручиваю, а его даже нет еще. Четвертый раз за сегодня у меня в груди поднимается страх, и я вдруг понимаю, что всякий раз, думая о нашей встрече, представляю его таким, каким увидела впервые. А ведь неизвестно, какая его версия явится. Мы не встречались с прошлой зимы, и я понятия не имею, кем он стал. Да и вообще – знала ли я его?

Наверное, я знала лишь одну версию – яркую пустую оболочку. Я могла бы с ним не встречаться, но перспектива больше никогда его не увидеть – хуже, чем сидеть сейчас здесь. И вот я грею руки о чашку с кофе, дожидаясь, когда он откроет скрипучую дверь, – и это после того, как я клялась и ему, и себе, и всякому, кто вообще меня слушал в последние месяцы, что никогда в жизни...

До назначенного времени еще минут пять. Если он похож на того, прежнего, то опоздает и прошествует ко мне с хмурым видом.

Дверь распахивается, но входит женщина. Маленькая голова, короткие светлые волосенки торчком; у красной щеки – мобильник.

– Да мне пофигу, Гоуи! Сделай, и все! – рявкает она и, выругавшись, убирает телефон.

Ненавижу Атланту. Народ здесь вечно на нервах, вечно в спешке. Раньше так не было... а может, и было. Все меняется. Раньше мне здесь нравилось, особенно в центре города. Еда в ресторанах выше всяких похвал, и для гурмана, живущего в маленьком городке, одной этой причины достаточно, чтобы сюда переехать. В Атланте есть чем заняться, и все здесь закрывается гораздо позже, чем в окрестностях Форт-Беннинга[1 - Форт-Беннинг – военная база США на территории штатов Джорджия и Алабама. (Здесь и далее прим. перев.)]. А больше всего меня радует отсутствие постоянных напоминаний о военной службе. Никто не ходит в камуфляже. Народ в кино, на заправках, в закусочных – в нормальной одежде. Говорят тут не аббревиатурами, а человеческими словами. И прически всякие-разные, приятно посмотреть.

Я любила Атланту, а он все испортил.

Мы вместе испортили.

Мы.

Лишь до этой степени я готова признать долю своей вины в том, что все порушилось.

Глава 2

– Куда смотришь?

Всего два слова, но они обволакивают меня, переполняют, потрясают все мои чувства и каждое в отдельности. А еще на меня снисходит покой, который я неизбежно ощущаю в его присутствии. И поднимаю глаза – убедиться, что это он, хотя и так знаю. Конечно, стоит надо мной, не сводя карих глаз с моего лица

в поисках... воспоминаний? Лучше бы он так не смотрел.

Народу в небольшом зале полно, а кажется, будто вокруг пусто. Нашу встречу я заранее отрепетировала, но он сорвал сцену, и я растерялась.

- Как у тебя это получается? - спрашиваю я. - Я не видела, как ты вошел.

Боюсь, мой голос звучит излишне сурово или нервно. И все же удивительно - как он так ухитряется? Он всегда хорошо умел молчать, а еще незаметно передвигаться. Качества, воспитанные армией.

Жестом приглашаю его сесть. Он опускается на стул, и тут только я замечаю, что у него борода. Четкой линией она обрамляет скулы, закрывая нижнюю часть лица. Это что-то новое. А как же - он всегда соблюдал правила. Волосы полагалось стричь коротко и тщательно причесывать. Усы разрешались - небольшие, не ниже верхней губы. Он как-то подумывал отрастить усы, но я его отговорила. На таком лице усы выглядят пошловато.

Он берет со столика меню.

Капучино. Макиато. Латте. С молоком. Черный.

Когда это все стало так сложно?

Даже не пытаюсь скрыть удивление.

- Ты полюбил кофе?

Он качает головой.

- Нет.

На суровом лице появляется полуулыбка - и я сразу вспоминаю, почему в него влюбилась. Мгновение назад я могла смотреть в сторону. Теперь - нет.

- Не кофе. Чай.

Он без пиджака, рукава джинсовой рубашки закатаны выше локтей. На предплечье видна татуировка. Дотронься я до его кожи – обожгусь или нет? Конечно, я этого ни в коем случае не сделаю и потому перевожу взгляд куда-то поверх его плеча. Подальше от татуировки. Подальше от воспоминаний. Так безопасней для нас обоих. Я прислушиваюсь к окружающим звукам, пытаюсь свыкнуться с молчанием. Я и забыла, как может угнетать его присутствие.

Неправда. Ничего я не забыла. Хотя и хотела бы. По каменному полу цокают сабо – официантка. Писклявым голоском заявляет, что он «категорически обязан» попробовать новый мятный мокко, и мне смешно: я помню, как он ненавидит мятный вкус, даже в зубной пасте. Помню розовые ошметки пасты с корицей в раковине – и как мы из-за них цапались. И почему я не наплевала на мелкие обиды? Уделяй я больше внимания тому, что происходило вокруг, все могло сложиться иначе. Наверное. Или нет. Я согласна признаться в чем угодно, только не в этом. В общем, не знаю. И знать не хочу.

Еще одна ложь.

Каэл просит черный чай без всего, и я стараюсь не смеяться. Он такой предсказуемый.

– Что смешного? – спрашивает он, когда официантка отходит.

– Ничего. – Я меняю тему: – Ну, как ты?

Понятия не имею, о какой ерунде говорить на этом кофейном свидании. Мы ведь и завтра встретимся. Однако, поскольку мне пришлось приехать сегодня, я решила: пусть первые неловкие минуты пройдут без посторонних. Похороны для такого не годятся.

– Неплохо. Учитывая обстоятельства.

– Ясно, – вздыхаю я, стараясь не думать о завтрашнем дне. Мне всегда удавалось притвориться, что земля не горит у меня под ногами. Ну ладно, в последние месяцы было проще, но вообще это моя вторая натура – пришлось научиться после развода родителей, еще до окончания школы. Порой мне кажется, что моя семья потихоньку исчезает. Нас все меньше и меньше.

Голос Каэла звучит ниже, чем обычно. Таким я слышала его в те душные ночи, когда мы засыпали с открытым окном, а утром вся комната была в росе, и кожа у нас становилась липкой. Мне очень нравилось проводить кончиками пальцев по его гладкому подбородку, по теплым, иногда наливавшемся жаром губам. На юге Джорджии воздух такой влажный, что, кажется, можно его пить, и у Каэла часто подскакивала температура.

Он кашляет, и я возвращаюсь в настоящее. Его мысли я читаю так же ясно, как неоновую надпись «Чашечку кофе?» на стене.

Ужасно, что мое прошлое не отделить от Каэла. Это все осложняет.

– Кари, – мягко говорит он и касается моей руки. Я ее отдергиваю, словно обожглась. Теперь странно вспоминать о той жизни: я не знала, где кончается он и начинаюсь я. Мы были одно. Совсем... совсем не так, как теперь. Раньше я радовалась, когда он просто произносил мое имя, – и делала то, что он хотел. Да, я давала этому человеку все, чего он желал.

Я думала, что уже почти исцелилась от воспоминаний на тему «я и он», исцелилась хотя бы настолько, чтобы не вспоминать его голос, когда я будила его рано утром для разминок, или как он вскрикивал по ночам. Голова идет кругом: если не заблокировать воспоминания, они просто разнесут меня на куски – прямо здесь, в этой кафешке, перед ним.

Заставляю себя кивнуть и принимаюсь за латте – нужно протянуть время, пока найду слова.

– Ну, да, в норме, ведь похороны – моя стихия.

Смотреть ему в лицо я не решаюсь.

– Ты все равно ничего не могла сделать... – Он умолкает, а я пялюсь в свой кофе. Провожу пальцем по трещине на чашке. – Карина. Посмотри на меня.

Качаю головой: не хочу я прыгать за ним в этот омут.

– Все нормально.

Умолкаю – и вижу его лицо.

– Честно, я в порядке.

– Ты всегда в порядке. – Каэл проводит ладонью по бороде, вздыхает, откидывается на спинку стула.

Он прав. Я всегда буду в порядке. А нет, так запросто притворюсь. Я умею. А что мне еще остается?

Глава 3

Карина, 2017

С работой мне страшно повезло. Массажный салон открывался только в десять, и утром я почти всегда могла спокойно выспаться. Еще один плюс – ходила я туда пешком: салон был в конце моей улицы. И сама улица мне нравилась – магазин матрасов, кафе-мороженое, маникюрный салон, старомодная кондитерская. Я накопила денег и в двадцать лет обзавелась жильем. Не папиным. Моим собственным.

Дорога занимала минут пять, главная забота – не попасть под машину. На узкой улочке могли разминуться один пешеход и один автомобиль. С небольшой машинкой проблем бы не было, но местные жители, как нарочно, предпочитали здоровенные, чуть ли не грузовики, вот и приходилось то и дело жаться к деревьям, чтобы их пропустить.

Иногда по дороге я сочиняла разные забавные сюжетики, просто чтобы развлечься. В тот день получилась история про бородача Брэдли, владельца магазина матрасов. Этот типичный славный парень одевался стереотипно: рубашка в клетку и штаны хаки. У него был белый, кажется, «Аорд», а работал он еще больше меня. Когда я утром шла мимо, Брэдли уже вовсю трудился. Жил он, похоже, один. Нельзя сказать, что несимпатичный, однако я его никогда ни с кем не видела. Имей он жену или детей, то за полгода, которые я здесь прожила, хоть раз бы их встретила, утром или вечером.

Хотя всюду светило солнце, не чирикала ни одна птичка. Не гремели мусоровозы, не гудели автомобили. Царила зловещая тишина. Наверное, поэтому Брэдли выглядел мрачнее, чем обычно. Я увидела его как-то по-новому: интересно, почему он зачесывает свои белесые волосы на прямой пробор, почему думает, что нужно выставлять напоказ светлую полоску кожи на голове? И вообще, куда, например, он отправился со скатанным ковром в кузове фургончика? Может, я и посмотрела детективных сериалов, но все же знают, что это проверенный способ избавиться от трупа: закатать в старый ковер и выбросить где-нибудь за городом.

Пока мое воображение мастерил из Брэдли серийного убийцу, он дружески мне махал и улыбался. Причем искренне. Или просто научился ловко делать вид, а на самом деле...

Я чуть не обмочилась, когда он меня окликнул.

– Привет, Карина! Воды нет во всем квартале.

Он сжал губы в тонкую полоску и еще руками потряс, чтобы показать, до чего возмущен.

Я остановилась, прикрыла ладонью глаза от яркого солнца. Оно жарило всюду, даже воздух казался колючим. Обычное для Джорджии пекло. За год можно бы и привыкнуть, но не тут-то было. Я тосковала по прохладным ночам Северной Калифорнии.

– Хотел вызвать кого-нибудь из водопроводной компании – без толку. – Он пожал плечами и, словно в подтверждение, помахал телефоном.

– Неужели? Какое невезение! – Я пыталась говорить ему в тон, хотя, если честно, надеялась, что Мали закроет салон. Ночью я почти не спала, а теперь, возможно, подремлю часок – а то и полдня.

– Позвоню еще, – продолжал Брэдли, заткнув большие пальцы за ковбойский ремень. Он уже начал потеть, а когда потащил из кузова ковер, мне даже стало его жалко.

– Спасибо, – кивнула я. – Пойду обрадую Мали.

Глава 4

Дверь была заперта, свет не горел даже в коридорчике, где мы обычно его не выключаем, и внутри держалась прохлада. Я включила нагреватели для масел и полотенце, зажгла ароматические свечи.

Первого клиента я ждала лишь в половине одиннадцатого, а Элоди – в половине двенадцатого. Это означает, что, когда я выходила, она еще дрыхла, в десять минут двенадцатого выскочит из дому, а потом будет извиняться – с милой улыбкой и приятным французским акцентом. Так у нее начинался день.

Элоди одна из немногих, ради кого я готова на все. Особенно теперь, когда она ждала ребенка. О своей беременности Элоди узнала через два дня после того, как ее муж ступил на пыльную землю Афганистана. У нас такое происходит сплошь и рядом. Так было у моих родителей, у Элоди... здесь всякий допускает такую возможность. И не просто возможность, скорее, неизбежность – если ты замужем за военным.

Я отогнала ненужные мысли. Хорошо бы включить музыку. Тишина меня раздражала. Недавно я убедила Мали, что во время работы лучше включать более подходящую музыку. Я уже не могла часами слушать все эти «релаксационные» мелодии. Ничто мне так не мешало, как усыпляющее журчание водопада или шелест волн. Да еще и дремоту нагоняло.

Песня на айпаде развеяла мою сонную задумчивость, и я включила компьютер на стойке в приемной. Минуты через две вошла Мали, с трудом удерживая в крошечных ручках два огромных пакета.

– Что случилось? – спросила она, когда я стала забирать пакеты. – Ничего? Ну, в смысле – привет, Карина, как дела?

Я рассмеялась и пошла в заднюю комнату. Еда в пакетах пахла очень вкусно. Ни у кого я не пробовала такой вкусной тайской еды, как у Мали; она готовила и

для нас с Элоди. Баловала пять дней в неделю. Авокадик – так Элоди называла того, кто вырастал у нее в животе, – желал исключительно острой пряной лапши. Ему хотелось базилика. С самого начала беременности Элоди вытаскивала его из лапши и жадно поедала. Дети порой заставляют делать странные вещи.

– Карина, – с улыбкой сказала Мали, – как у тебя дела? Ты грустная.

Вот такая была Мали. «В чем дело?» или «Ты грустная» – что думала, то и говорила.

– Да нет, я в порядке. Не накрасилась сегодня.

Я закатила глаза, а она ткнула меня пальцем в щеку.

– Не только, – возразила она.

Да, не только. Но я не грустила. Просто мне не нравилось, что моя маска оказалась для Мали слишком прозрачной. Совсем не нравилось.

Глава 5

Первый клиент пришел ровно в половине одиннадцатого. Я привыкла к его пунктуальности, не говоря уж о гладкой коже. Наверняка после душа он пользовался смягчающим маслом, и это упрощало мою работу. Мышцы у него всегда были одеревенелые, особенно плечи; очевидно, он целый день работал за столом. Не военный, судя по довольно длинным, кудрявившимся на концах волосам. В тот день он был так напряжен, что у меня даже пальцы слегка заболели. Он часто покряхтывал от удовольствия – и многие так делают, – когда под моими руками расслаблялись его твердые как камень мышцы. Час прошел быстро. В конце мне пришлось похлопать его по спине, чтобы разбудить.

Звали его Тоби, но мне больше нравилось называть его «десять-тридцать». Он давал хорошие чаевые и проблем не создавал. Правда, один раз пригласил меня на свидание. Элоди прямо взорвалась, когда узнала. Советовала пожаловаться

Мали, но я не захотела раздуть из мухи слона. К тому же Тоби принял мой отказ благодушно – мужчины редко так реагируют, ну, я и не стала беспокоиться.

Без пятнадцати двенадцать Элоди еще не было. Обычно она посылала эсэмэску, если опаздывала больше чем на пятнадцать минут. Ожидавший в приемной клиент, наверное, пришел впервые, потому что раньше я его не видела, а я никогда людей не забываю. Он сидел спокойно. В отличие от Мали, уже собиравшейся звонить Элоди.

– Если она через пять минут не придет, могу его взять, – предложила я, – а свою клиентку передвинуть, у меня Тина.

Мали помнила всех постоянных посетителей; память на имена у нее была такая же, как у меня на лица.

– Ладно-ладно. Вечно твоя подружка опаздывает! – проворчала она.

Вообще Мали – славная женщина, хотя по характеру – чистый огонь.

– Она же беременная, – заступилась я.

Мали закатила глаза.

– У меня пятеро детей, но я успеваю.

– Туше.

Сдерживая смех, я отправила Тине эсэмэску – не согласится ли она прийти на час позже? Она, как я и ожидала, сразу ответила, что да.

– Сэр, – обратилась я к ожидавшему в приемной, – вашего мастера еще нет, но, если хотите, я вас возьму. Или можете дождаться Элоди.

Кто его знает – хочет он попасть непременно к ней или ему безразлично. Многие стали записываться к нам сами, по интернету, и непонятно, нужен ли им именно этот мастер или годится любой.

Он встал и, не говоря ни слова, двинулся к стойке.

– Так вы согласны?

Он чуть помедлил и кивнул. Ну и ладно.

– Хорошо. – Я заглянула в расписание. Каэл. Необычное имя. – Идемте со мной.

Кабинки в расписании не указываются. Я себе облюбовала вторую слева и слегка обустроила по своему вкусу, и в основном там и работала. Другие мастера ею пользовались, только если везде было занято.

Я поставила здесь свой шкафчик, слегка облагородила интерьер и уже пыталась уговорить Мали на покраску стен. Все что угодно, лишь бы не этот темно-фиолетовый. Он ничуть не помогал расслабиться, а навевал тоску и вообще старил помещение лет на двадцать.

– Одежду можете повесить на вешалку или оставить на стуле. Раздевайтесь – так, чтобы вам было удобно, и ложитесь лицом вниз. Я сейчас вернусь.

Клиент, ничего не говоря, уже стаскивал через голову серую футболку. Уж он-то наверняка военный. Крепкого сложения, голова почти бритая – никаких сомнений. Я росла среди военных и ошибиться не могла. Он свернул майку, положил на стул и взялся за штаны. Я вышла.

Глава 6

Вынув из кармана телефон, я прочла первую строчку сообщения от папы: «Не забудь про сегодня, Эстелла готовит фирменное блюдо».

Что угодно предпочла бы я этой трапезе, но мы трое, а раньше – четверо, собирались каждый вторник. С тех пор, как я съехала, только один семейный ужин пропустила – когда папа повез Эстеллу к дальним родственникам отмечать чье-то возвращение из учебного военного лагеря. Значит, строго говоря, это не я

пропустила.

Отвечать папе я не стала, он и так знал, что в семь я буду у них. Моя «новая мама» как раз начнет укладывать волосы, ужина придется ждать, но я-то приду вовремя. Как всегда.

Выждав минуты три, я вернулась в кабинку и задернула занавеску. Горел приглушенный свет, пахло лемонграссом. Клиент расположился на столе, укрывшись ниже пояса простыней. Я потерла руки – слишком холодные, чтобы касаться чужой кожи. Нужно было их погреть, и я, шагнув к раковине, повернула кран. Ничего. Я успела забыть, что воды нет, и с предыдущим клиентом пришлось обходиться без нее.

Я опять потерла руки и прислонила их к нагревателю. Масло было уже теплое – может, клиент ничего и не заметит. Оставалось надеяться, что вчерашняя смена оставила в нагревателе чистые полотенца.

– У вас есть пожелания насчет зон, где следует приложить бо́льшие усилия?

Тишина. Уснул он, что ли?

Чуть выждав, я спросила снова.

Каэл качнул бритой головой.

– Правую ногу не трогайте.

Чуть спохватившись, добавил:

– Пожалуйста.

Люди часто просили не трогать то или другое место. Причина – заболевание или что иное – меня не касалась. Мое дело принести клиенту облегчение. А просьбы такие были непременно, если я забывала им дать анкету. Мали меня за это ругала.

– Хорошо. Вам легкий, средний или глубокий массаж? – спросила я, беря бутылочку с маслом. Снаружи она была горячая, значит, внутри – самое то.

Опять тишина. Может, у него слух не в порядке. В армии у многих такие проблемы.

– Каэл?

Он резко вздернул голову, словно я его сильно напугала. Я сама чуть не подскочила.

– Простите, мне нужно знать: какой интенсивности вы хотите массаж?

– А что? – Очевидно, он не понимал, о чем речь. Наверное, в первый раз пришел.

– Ну ладно. Если будет слишком сильно или слишком слабо, скажете мне.

Рука у меня тяжеловата, что большинству моих клиентов нравилось, а этому – кто знает?

И придет ли он еще? После первого раза снова приходили человека четыре из десяти, и только один-два продолжали ходить всегда.

– Это мятное масло. – Я капнула себе на указательный палец. – Вотру вам в виски, и вы...

Он опять поднял голову, отрицательно покрутил.

– Нет.

Прозвучало не то чтобы грубо, но вполне однозначно: мятного масла он не желает. Ладно.

– Хорошо.

Я завинтила флакон и отвинтила кран. Проклятье! Воды-то нет. Открыла нагреватель для полотенец. Пусто. Ну конечно.

– Секундочку.

Второпях я громко хлопнула крышкой нагревателя. Надеюсь, музыка заглушила хлопок. Не слишком удачно начинался сеанс...

Глава 7

В коридоре, куда я выскочила в поисках полотенец, я наткнулась на Мали.

– Мне нужно воды! Или полотенце.

Она приложила палец к губам.

– Тс-с. Воды нет. Полотенце дам. А кто забыл положить?

Я пожала плечами. Мне было не до того, срочно требовалось полотенце.

– Клиент на столе уже пять минут, а я никак не начну.

Мали заторопилась, ушла в комнату напротив и тут же вышла, неся горячие полотенца. Я их выхватила и стала перебрасывать с ладони на ладонь, чтобы остудить.

У себя в кабинете я в последний раз встряхнула полотенце и приложила к ступням клиента. Кожа у него была такая горячая, что я убрала полотенце и потрогала его ногу тыльной стороной ладони, – нет ли у него температуры?

Не хватало мне еще заболеть. У отца как раз кончалась семейная страховка, а на собственную у меня не хватало денег.

Да, кожа у него была горячая. Я чуть подняла простыню – он лежал в штанах. Странно. И как мне массировать ему левую ногу?

– Ноги выше ступней вообще не трогать? – осторожно спросила я.

Он покивал. Я принялась протирать ему правую ступню. Нужно сначала стереть пыль и пот. О чистоплотности у клиентов... скажем так, очень разные понятия. Один может проходить весь день в сандалиях – и так прийти. Каэл не такой; он, похоже, недавно принял душ. Подобные вещи я умела ценить, как любая массажистка. Я начала с подушечек пальцев и постепенно поднялась до свода стопы. Здесь на коже оказалась выпуклая полоса; в полумраке я шрама не разглядела, но когда провела по нему рукой, Каэл чуть дернулся.

Я привыкла четко распределять время сеанса, в частности, по пять минут на ногу, и теперь лишние минуты решила потратить на плечевой пояс. Мышцы – хорошо развитые, хотя и не слишком выпуклые. Его молодое тело словно долго несло на себе какую-то тяжелую ношу, например рюкзак. А может, просто жизнь. Пока он не настолько передо мной раскрылся, чтобы сочинять про него истории, как я сочиняла про Брэдли и других малознакомых людей. Было в этом парне нечто, мешавшее разыграть воображению.

Голову я оставила напоследок. Люди порой постанывают от удовольствия или кряхтят, а Каэл не издал ни звука. Вообще не пикнул. Я думала, что он уснул. Такое бывает, и мне это нравится. Значит, я работаю правильно. Время вышло, а мне казалось, будто я только начала. Обычно у меня в голове крутятся всякие мысли – про отца, брата, про работу и дом. Сегодня ни о чем не думалось.

– Спасибо за терпение. Все хорошо? – Клиент постоянно молчал, и я не знала, понравился ли ему массаж.

Он так и не поднял головы, и я едва услышала: «Да».

– Хорошо, тогда я выйду, а вы одевайтесь. Буду ждать вас в приемной. Не торопитесь.

Он кивнул, и я вышла, уверенная, что чаевых не будет.

Глава 8

В приемной Элоди говорила что-то распекавшей ее за опоздание Мали.

– Я отработала твоего клиента, он одевается, – сообщила я подруге. И Мали не помешает знать, что все утряслось.

Элоди улыбалась, склонив голову набок. Была у нее такая фишка – помогала ей выйти сухой из воды.

– Извини, Карина. – Она расцеловала меня в обе щеки. К этому я привыкла уже в первую неделю знакомства. Хотя мне не по душе всякие нежности, Элоди не из тех, кого захочешь отпихнуть.

– Я всю ночь не спала. Авокадик начал пинаться. – Элоди улыбнулась еще шире, но я видела, что ей не по себе.

Мали приложила ладонь к ее животу и заговорила с ребенком. Я бы не удивилась, спроси она у него: «В чем дело, почему ты не улыбаешься?» Впрочем, Мали всегда проявляла деликатность к детям, даже если они еще не родились. Меня слегка смущало, что она вот так трогает живот Элоди, но, подумав о том, как пинается ребенок, я улыбнулась. Я радовалась за подругу. Правда, меня тревожило, что она здесь одна, а все родные и большинство друзей – по ту сторону Атлантики. Элоди совсем еще юная. Успела ли она написать Филипу о том, что малыш зашевелился, и сможет ли Филип сегодня проверить почту? Из-за разницы часовых поясов Элоди не могла часто говорить с мужем, однако она несла свой крест легко, как и все, что делала. А я страшно за нее боялась, ведь через несколько месяцев ей предстояло родить.

Взгляд Элоди метнулся к занавеске у меня за спиной, и она, сияя, как новогодняя елка, бросилась к вышедшему из кабинета клиенту. Я не расслышала, как она его назвала, но на «Каэл» было не похоже. Элоди расцеловала его и обняла.

– Ты здесь! Поверить не могу! Как ты узнал?

Мали кивком указала мне на дверь, в которую уже входила моя следующая клиентка.

– Принимайся за работу.

Глава 9

Тина относилась к числу моих любимых клиенток. Она работала – удаленно – семейным психотерапевтом, и не однажды сеанс массажа превращался в сеанс моей психотерапии. Я человек довольно закрытый, но Тине было некому выдавать мои секреты. Я ей сочувствовала, думая, как одиноко жить в большом пустом доме. Иногда я представляла, как она, совсем одна, сидит и ест перед телевизором. С другой стороны, я и сама так жила... и будущее меня могло ждать такое же.

Сегодняшний сеанс казался бесконечным. Я посмотрела на часы, – оставалось десять минут.

– Как дела у брата? – спросила Тина.

Я отвела в сторону ее волосы и взялась за напряженные мышцы шеи. Тина недавно постриглась, как она говорила, «полукоротко», но разочаровалась и немедленно стала носить шляпы. На «хвостик» ее темных волос еще не хватало.

Рассказывать об Остине я не хотела – зачем портить настроение?

– Все так же. С тех пор как он живет у дяди, новостей никаких. И кто знает, когда он вернется.

Вздыхнув, я провела пальцами по Тининой шее.

– А он там учится?

– Нет. Обещали его записать, да все никак.

Я старалась поменьше об этом думать, но не так у меня голова устроена. Стоит в нее впустить одну ненужную мысль, за ней гурьбой рвутся другие.

Спину и плечи у меня покалывало от напряжения. Да, Остин больше не мог жить с папой. И я оказалась меж двух огней: ведь Остин – мой брат-близнец. Ему двадцать, и он ни к чему не стремится. Конечно, не годилось ему жить с нашим тридцатилетним дядюшкой, который вонял как хорек и целыми днями смотрел порно, однако братья Остина к себе я тоже не хотела. Все было непросто. Я никак не могла поверить, что папа его отпустил. Но и брата не винила. Да, непросто.

– Карина, ну серьезно, ты ведь не можешь за все отвечать. В конце концов, он твой ровесник. Ну, минут на пять младше, если я не путаю.

– На шесть. – Я улыбнулась и принялась за ее лопатки.

– Думай о себе, – продолжала Тина. – Ты открываешь новую главу, ни к чему захламлять свою жизнь.

Легко сказать.

– Я спрошу папу, может, он что-то о нем знает.

Больше Тина ничего не говорила. Понимала, что обсуждать предстоящую «семейную трапезу» мне уже не по силам, и просто наслаждалась массажем, а у меня в голове бурлили мысли.

Глава 10

В тот день я закончила почти в шесть. После Тины пришли еще три клиента, и каждый так или иначе занимал мои мысли. Стюарт – я звала ее по фамилии, указанной на кармашке формы, – была военным медиком, и таких красивых глаз я ни у кого еще не видела. Она все время тарыхтела о предстоящем назначении: мол, попасть на Гавайи – все равно что в лотерею выиграть. Было приятно смотреть, как она радуется.

Некоторым нравится часто менять место службы, и Стюарт была как раз такая. Всего на год старше меня, а уже побывала в Ираке, причем дважды. И чего она мне только не рассказывала! В двадцать один год – такой жизненный опыт, какой многим и не снился. Однако опыт означает воспоминания – и они постоянно крутились у нее в голове. Не тускнея, не стихая, превратившись в некий фоновый шум, от которого уже не избавиться. Мне это было знакомо. То же самое происходило с моим папой. После нескольких сроков в Ираке и Афганистане его фоновый шум гудел по всему нашему дому. Точнее – папиному.

Обо всем этом я и думала, пока Стюарт лежала у меня на столе. Я радовалась, что она может мне открыться, снять с себя часть ноши, чуть приглушить свой шум. Я понимала: не только мой массаж помогал ей ослабить стресс и взбодрить тело.

А как она рассказывала о своей жизни – прямо поэзия! Я чувствовала каждое ее слово, задумывалась о вещах, о которых обычно старалась не думать. Стюарт приобщала меня к чему-то значительному; когда она делилась со мной пережитым, мир будто открывался с другой стороны. Например, она рассказала, что из всего населения Соединенных Штатов в армии служат меньше восьми процентов. В эти проценты входят все – и те, кто уже оставил службу, и те, кто отслужил лишь один срок. Из трехсот пятидесяти миллионов – меньше восьми процентов! Выходит, мое детство – сплошные переезды, необходимость постоянно заводить новых друзей, всякий раз привыкать к новой обстановке – вовсе не типичное. Менее восьми процентов, невероятно! В нашей родне служили все, от моего прапрадеда до отца, а также мои дяди и их сыновья, разбросанные по всей стране (кроме того дяди-бездельника, у которого жил Остин), – каждый либо носил форму, либо имел в семье военного.

В отличие от Тины, тоже любившей поговорить во время сеансов, Стюарт не ожидала ответных излияний. Я могла сосредоточиться на ее впечатлениях; от многих я едва сдерживала слезы. Потому, наверное, сеансы пролетали так быстро.

Как только ушла Стюарт – дали воду. Я постирала простыни и полотенца и в ожидании, когда забредет случайный клиент, чистила плейлист в телефоне.

Элоди, как нарочно, была занята, и я умирала от любопытства – кто же тот солдат с необычным именем? В чужие дела я стараюсь не вмешиваться, своих забот хватает, однако у Элоди здесь почти не было знакомых. Она общалась лишь с несколькими военными женами, да и то по «Фейсбуку».

Следующий клиент был соня. Через пять минут он вырубился, и я целый час думала об Остине. И о том, как боюсь предстоящего ужина. Я немножко завидовала брату – живет себе поживает в Южной Каролине, дрыхнет после обеда да трудится на полставки в супермаркете.

Еще я думала про друга Элоди: почему он лег на стол в штанах и почему такой напряженный – ненормально это для парня в его возрасте. Ему максимум двадцать два, а то и меньше.

Последняя клиентка пришла без записи и оставила хорошие чаевые за получасовой массаж для беременных. Живот у нее был огромный, и она выглядела очень уставшей. Я хотела спросить, не случилось ли чего, но решила, что это не деликатно.

Дверь в кабинет Элоди была закрыта, и мне вдруг представилось, что она там, вместе со своим приятелем-солдатом. Воображение разыгралось.

Перед уходом я помогла Мали заложить в нагреватели полотенца и убрать выстиранные простыни. Уходить я не торопилась, тем более что предстоял «семейный ужин». А когда наконец собралась, захватила остатки принесенных Мали деликатесов. Может, разговоры о ненормальном аппетите у беременных – пустые байки, но Элоди требовалась сытная еда.

Неся пакет в одной руке, другой я стала набирать брата. Автоответчик.

– Привет, это я. Просто хочу узнать, как дела. Тебя уже несколько дней не слышно. Перезвони. Я иду ужинать к папе – сегодня вторник. А ты, бяка, не идешь!

Я отключилась и сунула мобильник в карман.

В небе сиял необычный оранжевый свет, будто солнце никак не могло решиться – уходить или подождать. Парковка была полностью забита. Белый фургончик Брэдли занимал сразу два места, а в кузове лежала такая гора матрасов, что я невольно вспомнила сказку о принцессе на горошине. Брэдли вышел из магазина и свалил в кузов кучу подушек.

– Воду дали! – крикнул он, помахав рукой.

– Ага, – улыбнулась я. – Спасибо, что с них не слез, пока не сделали.

Вышло как-то неловко. Теперь весь вечер буду рефлексировать по поводу своих слов. Так уж у меня голова устроена. Брэдли, наверное, и не заметил, как неудачно я выразилась. Он пожелал мне спокойной ночи, запер магазин и сел в машину.

Всю недолгую дорогу домой я думала о предстоящем ужине и разговоре, который придется вести за тремя – как минимум – переменами блюд.

Ждали меня к семи, значит, выехать следовало без двадцати семь. И если я хочу мало-мальски привести себя в порядок, нужно принять душ и переодеться. Когда я в угоду папиной жене сбросила несколько «лишних» фунтов, она хоть перестала отпускать замечания насчет моей внешности. И на том спасибо.

Хорошо было бы никуда не ходить, а поужинать принесенными закусками вместе с Элоди!.. Эта мысль в том или ином виде приходила ко мне каждую неделю – с тех пор, как я съехала. Я надеялась привыкнуть – бесполезно. Не привыкла и никогда не привыкну. Разумеется, ужин раз в неделю лучше совместного проживания, гораздо лучше. Но наши обязательные встречи я ненавидела, они отравляли мне всю неделю, потому что я только о них и думала. Когда стирала, когда мыла голову, когда работала, – мысли неизменно возвращались к ужину во вторник.

Всякий раз, заглядывая в «Фейсбук», я узнавала об очередном родившемся младенце, или помолвке, или смерти. Или натыкалась на обсуждение политики, когда все кричат так громко, что друг друга не слышат. Все это надоедало, и я могла месяцами ничего не постить. Не хотелось откровенничать с малознакомыми людьми. И, в отличие от Сары Чесмен, которая переехала, когда я оканчивала школу, не вижу необходимости выкладывать в сеть каждый поход в кафе.

Тем не менее из-за какого-то стервозного любопытства и потому что до дома оставалось еще несколько минут, я зашла к ней на страничку – полюбоваться ее унылым существованием. Оттого ли, что я брела по шумной улице и ноги у меня отваливались, а может, из-за предстоящего «семейного ужина» жизнь Сары вдруг показалась мне прекрасной. У нее был муж – солдат-новобранец, и службу он проходил в Техасе, а она ждала ребенка. Я просмотрела десятисекундное видео: Сара открывает коробку, и оттуда вылетают розовые шарики, символизирующие пол будущего ребенка. Причем она выглядит совершенно спокойной; на ее месте я волновалась бы.

За все эти мысли я обозвала себя лицемеркой и вернулась к основной теме.

Папа выложил фотографию, где в одной руке он держит рыбу, а в другой – пиво. Он любил охоту и рыбалку, а мы с братом терпеть не могли. Пока Остин не окончил среднюю школу и не начал встречаться с девушками, ему приходилось таскаться с отцом в походы. И вот мой братец, который до недавнего времени разговаривал со мной по телефону каждый день, а в последние месяцы едва отвечал на звонки, уже лайкнул отцовский пост. И лайкнул некто еще, с золотистым ретривером на аватарке. Ретривер оставил коммент, что отец «кажется как никогда счастливым».

Такие вещи ранят. По-настоящему. С тех пор как три года назад папа снова женился, подобные слова я слышала отовсюду. Даже соседи, даже продавцы в гарнизонном магазине – все спешили высказать отцу, как он теперь счастлив. Не стеснялись говорить такое при мне, а ведь получалось, что раньше он, значит, был несчастлив. Тогда-то я и стала цепляться за других людей, в основном за парней, ровесников или ребят постарше. Я искала то, чего мне не доставало в семье, только я сама не знала чего.

Больше всего я цеплялась за Остина. Может, потому, что он мой близнец, а может, потому, что когда родители были особенно нужны, их никогда не было

рядом. Близкое общение с Остином, родившимся на шесть минут позже меня, какое-то время помогало, но потом, после школы, я начала понимать: мой брат – совсем не тот человек, каким я его воображала.

Странно, как меняются с возрастом воспоминания. Например, однажды Остин взял меня на вечеринку в Чесапике, где собрались такие же дети военных. Сказал, что в нашем возрасте все уже давно пьют и нечего мне из-за этого париться. Потом он отправился в спальню с какой-то местной девицей, а мне пришлось сидеть в гостиной, среди распаленных выпивкой парней. Один из них – он называл меня «сестренка Остина» и говорил слишком густым для школьника басом – заявил, что я в него втюрилась, и все лез ко мне с поцелуями. И не отстал, пока я не заплакала. Почему-то мои просьбы прекратить, мое «ну, пожалуйста, не надо» на него совсем не действовали. А когда из глаз у меня хлынули горячие слезы, он наконец отвязался. Потом я уснула на диванчике, а в соседней комнате кто-то играл в стрелялку. Утром Остин даже не извинился. Не спросил, как и где я спала. Чмокнул свою случайную подружку в щечку, рассмешил нас обеих какой-то шуткой, и мы как ни в чем не бывало поехали на такси домой. Дома папа наорал – не на брата, на меня! – и мы целую неделю ходили пришибленные.

Я решила еще раз позвонить Остину, но тут открылась дверь и выглянула Элоди. Оказывается, я уже пришла домой.

Глава 13

Домик у меня маленький, с улицы сразуходишь в гостиную. Это мне и нравилось: уютный, теплый, все под рукой.

В тот вечер везде горел свет, работал телевизор, и на весь дом спорили герои сериала «Скандал». А стоявшая в дверях Элоди нервно улыбалась. Что-то произошло.

Элоди я знала не очень давно, но довольно хорошо. Объединял нас, пожалуй, только возраст. Притом я чувствовала себя более взрослой. А Элоди, благодаря манере держаться, выглядела младше своих лет, особенно когда улыбалась. А уж если начинала волноваться, ей никто бы не дал больше шестнадцати.

Поэтому я чувствовала себя ее защитницей.

Элоди изо всех сил старалась быть настоящей армейской женой, однако отношения с другими женами у нее не складывались. Они подшучивали над ее акцентом, называли «жена с доставкой», хотя таких, как она, было немало. Многие военные знакомятся с будущими женами в интернете, и ничего. Этим дамочкам пообщаться бы со Стюарт. У нее наверняка имелись данные о том, сколько народу нашло себе спутников на сайте знакомств для военнослужащих.

Такова жизнь в большинстве гарнизонов – склоки и интриги. Стервозные соседки зарабатывали в «Фейсбуке» финансовыми пирамидами, а Элоди донимали за то, что трава у нее на газоне была на дюйм длиннее нормы. Я не преувеличиваю. Лично видела, как приезжала начальница местного управления по благоустройству (затормозила так, что шины взвизгнули!) – и давай отчитывать Элоди: зачем, дескать, та дала траве сильно вырасти!

Да, именно, она измерила траву. И – да, больше ей нечем было заняться.

Потому Элоди предпочитала ночевать у меня на диванчике или на кровати. Смотря где заснет. По-моему, ей лучше спалось на диванчике. Там она не звала по ночам Филипа.

Мне хотелось спросить у нее про того парня, Каэла. Она его явно хорошо знала, но откуда? Друзей у нее почти не было, она мало куда ходила. Или у Филипа имелись приятели помимо сослуживцев? Маловероятно.

Элоди села на диванчик и подобрала под себя ноги. Ее небольшая фигурка быстро менялась, рос живот. Я уже думала – куда в моем домике укладывать ребенка?

Элоди в то время увлекалась сериалом «Скандал», смотрела его впервые, не отрываясь.

– Какой сезон? – спросила я.

– Второй, – негромко сказала она.

Стаскивая туфли, я увидела уголком глаза какое-то движение сбоку и только тогда поняла, что в комнате есть кто-то еще. От неожиданности я вскрикнула. А он молча смотрел на меня – мой сегодняшний немногословный клиент. Сидел в моем кресле, темно-розовом, некогда красном. Мне его подарила бабушка перед нашим отъездом в Джорджию.

– Э-э, привет... – пробормотала я. Как можно не заметить в комнате человека? В последние дни я была немного не в себе, но сегодня разбила все рекорды.

– Как дела на работе? – Элоди перевела взгляд на экран, потом снова на меня.

– Хорошо.

Я тарщицалась на Каэла, а он – на меня.

Позже я часто вспоминала эту минуту – как он впервые пришел в мой маленький белый домик, – и тогда боль сменялась радостью... Однако потом возвращалась – и так по кругу.

Как же быстро все происходит в нашей жизни! Прежде чем Каэл стал что-то для меня значить, а точнее – значить все, он был заурядным незнакомцем с невыразительным лицом и отсутствующим взглядом. В нем чувствовались упорство и замкнутость; терпеть не может мятое масло и не любит, когда трогают его ногу, – вот и все, что я про него знала.

Попкорн я унюхала еще до того, как зерна стали лопаться.

– Я делаю попкорн, – объявила Элоди. Она явно нервничала.

Что вообще происходит?

– Ладно, – сказала я, – пойду приму душ. Мне нужно в семь быть у отца.

Я медленно двинулась в ванную. Элоди, закусив нижнюю губу, пошла за мной.

– Ну? – спросила я.

- Каэл только вчера вернулся. Он служит с Филипом.

Элоди говорила тихо и явно хотела о чем-то попросить.

- Можно он останется на денек, пока не найдет... - она чуть помедлила, - пока не попадет к себе. Извини...

Я подняла ладонь.

- Откуда ты его знаешь?

- Мы познакомились перед их отправкой. Он хороший парень, правда. Лучший друг Филипа.

- А почему он вернулся?

Элоди покачала головой.

- Я не спрашивала. Думаешь, нужно? - Она посмотрела в сторону гостиной.

- Не стоит. Пускай остается. Окажется козлом - выгоню. Тебя тоже, - поддразнила я.

Элоди улыбнулась и погладила меня по руке. Она всегда такая ласковая, не то что я.

- Спасибо. Ты просто...

- Знаю, знаю. Супер. Ну все, мне пора в душ, а не то опоздаю к папе.

Она закатила глаза.

- Ты мне еще спасибо скажешь.

Мы рассмеялись, и я захлопнула дверь ванной у нее перед носом.

Глава 14

Мой домик отчаянно нуждался в некотором... обустройстве. Причем с самого моего сюда переезда. Каждый день та же история: танцы с ноги на ногу на холоднящем плиточном полу в ожидании, пока нагреется вода. Причем нагреваться-то вода нагревалась, только теплой не становилась. А становилась то горячее, то холоднее. Ужасно.

Свой обшарпанный домик я любила таким, как есть, однако поломки все же следовало устранить, а это требовало времени. Какие-то мелочи я пыталась сделать сама. Например, в одну развеселую субботу приобрела в супермаркете домашних товаров кафель для душа. Купила несколько банок краски, тюбики с замазкой – заделать дыры в стенах, – новые ручки для кухонных шкафов и плитку для ванной. Ручки я уже поставила. Нужно признать, что они, как и обещали в передаче про ремонт и интерьер, действительно преобразили кухню. Получилось здорово!

Еще я покрасила в кухне стены. Потом взялась менять плитку в душевой кабине. Почти половину оторвала, а прилепила штук шесть. Специально считала. Ну, пускай восемь.

Хотя «ремонт» отлично помогал уклоняться от папиных визитов «на огонек», сильно тянуть не следовало. Мой дом – доказательство того, что я уже встала на ноги. Не знаю, кого я больше хотела убедить – себя или отца. Да и без разницы.

Вода наконец нагрелась, я смогла кое-как помыть голову, всего два почти ошпарившись. Когда я завернула кран и стала отжимать волосы, вода продолжала капать. Я опять вспомнила знакомого Элоди – своего незваного гостя. В общем, симпатичный, но слишком молчаливый.

Протекающий кран я обернула бумажным полотенцем.

Интересно, Филип не против, чтобы этот тип болтался вокруг его беременной жены?

Слегка подсушив волосы, я начала волноваться. На полную сушку уходило с полчаса, а у меня оставалось десять минут. Пришлось пойти так.

Стирки накопилось полно. Для визита к отцу и его жене слишком наряжаться не стоило, но я знала, что моя внешность непременно будет обсуждаться за столом. Кроме одежды и вопроса «Кино какое-нибудь смотрела?» у моей мачехи никаких тем для разговоров со мной не было.

Чистой одежды в шкафу почти не осталось, и я сунула руку в пакет из магазина «Forever 21». Будет ли мне всегда двадцать один? В следующем месяце у меня день рождения, вот и выясню. В пакете ничего путного не нашлось: джинсы на размер больше, чем нужно, и коричневая рубашка – подходящего размера, но даже на вид колючая.

Одеваясь, я слышала, как говорит Элоди, пытаюсь объяснить своему гостю суть сериала «Скандал». Мне стало смешно: рассказывать фильмы и сериалы она не умела совершенно. Вечно путала персонажей, а то и ляпнет невзначай, чем кончилась интрига. Я спойлеров не люблю и давно у нее не спрашивала ни о каких фильмах.

В конце концов я вышла в гостиную, и в запасе у меня оставалось еще минут пять. Каэл сидел на том же месте, глаза у него буквально закрывались. Забавно – теперь, когда в этом кресле сидел он, оно вдруг показалось маленьким.

Вошла Элоди с миской попкорна.

– Уходишь?

Я кивнула и, запуская руку в миску – есть хотелось страшно, – простонала:

– И вернусь не скоро.

– А если вообще не ходить?

На тему этих ужинов мы с Элоди шутили часто. Каждый вторник, в общем-то.

– От меня отрекутся. – Я взглянула на Каэла. Он в нашу сторону не смотрел, но я почему-то знала, что он нас слышит.

– Может, оно бы и к лучшему? – Элоди вытерла жирные пальцы о шорты и для верности еще облизала.

– Ну. – Я полезла в холодильник за водой: Элоди пересолила попкорн. – Принести тебе домашней выпечки?

Она кивнула и улыбнулась; у нее был полный рот попкорна.

– Вернусь около девяти. А то и позже, хотя надеюсь, что нет.

Я поймала себя на мысли о том, чем они тут займутся, – и сама себе удивилась. Не успела я додумать эту мысль, как пришел черед удивляться голосу моего гостя. Он заговорил, когда я подошла к входной двери.

Глава 15

– Можно, я приму душ?

Тембр был мягкий, как шелест дождя, а взгляд выжидательный. Позже я этот взгляд у него часто замечала.

Хотя раньше мы не встречались, лицо Каэла показалось мне слегка знакомым. Широкие брови, маленький шрам над глазом... Словно я его уже видела – на улице, в кафе, в магазине. Или просто лицо такое... Бывают такие лица.

– Можно? – повторил он.

Я помедлила.

– Ну... да, конечно, мойся. Ты не голодный? Правда, еды немного, но что найдешь – то твое.

Элоди явно хотела что-то сказать и ждала, пока он выйдет, а мне уже некогда было вести светские беседы. Папа у меня такой: опоздаешь на пять минут, будешь в два раза дольше слушать нотации.

– Спасибо, – пробормотал Каэл и встал. Мой диванчик показался рядом с ним совсем маленьким. Рядом с ним все в моем домике казалось маленьким. Даже сервант, который я купила с рук, – когда еще не понимала, как опасно встречаться неизвестно с кем за парковкой супермаркета. У меня много всякого барахла, в основном подержанного. Кстати о барахле... заметил ли гость кучу грязного белья в корзине и гору невымытой посуды?

Ой, да не все ли равно?

– Если будет тот пирожок... как вы его называете... с такой маленькой... rouge...

Элоди беспомощно щелкала пальцами, и я договорила за нее:

– С вишенкой?

«Rouge» – одно из немногих слов, которые я запомнила из школьного курса французского.

Элоди закивала, но в этом не было нужды. Я и так знала: вишневый пирог она уминает за один присест. Сама видела. Да и кто ее упрекнет? Папина жена отлично готовит. Люби я Эстеллу по-настоящему, призналась бы, что восхищаюсь ее стряпней. Но я не любила и потому не признавалась.

– Да-да! С вишенкой! – Элоди облизала губы. Она становилась типичной беременной женщиной, про каких анекдоты рассказывают.

Я опять попрощалась; Каэл, едва глядя в мою сторону, кивнул и двинулся по коридору. Я поймала себя на том, что жду, когда закроется дверь в ванную.

– Он всегда такой? – спросила я. А потом крикнула: – Полотенца в шкафчике за дверью!

– Не знаю.

Элоди по своей привычке пожевала губами, а я ободряюще улынулась и поскорее ушла.

Глава 16

Я опаздывала. Опоздание было не пустяковое, какие случаются из-за небольшой дорожной пробки или если вас в последний момент попросят куда-нибудь заскочить. Нет, я задерживалась основательно; такие опоздания влекут за собой драматические вздохи и рассказы о том, как Эстелле пришлось долго держать курицу в духовке, чтоб не остыла, и она теперь пересушена, а я ужасная эгоистка.

Через десять минут мне полагалось быть у папы, а я все еще сидела в машине возле дома. Сама не знаю, чего ради я сидела, тупо глядя перед собой. Думала лишь о том, как мне осточертели вторники, и никак не решалась завести машину. Я ненавидела все свои обязательства. Я позволяла отцу на себя давить, управлять моим поведением и жизнью.

Я проверила телефон: пропущенный вызов с незнакомого номера. Проверила – оказалось, мне пытались позвонить за мой счет. Неужели еще есть такая услуга? Без всякой надобности я вошла в «Инстаграм» и стала листать фотографии девчонок, которых знала в старших классах, – теперь они учились в колледже или были на военной службе. Не так уж много моих одноклассников пошли в колледж. То ли денег не хватало, то ли еще почему, но такое вообще случается куда реже, чем показывают в кино. Я бросила листать, увидев картинку: берег моря, голубая вода, белый песок. На заднем плане два шезлонга под пляжными зонтиками и две протянутые руки, чокающиеся бокалами, если не ошибаюсь, с пина-колада. Надпись гласила: «Думаете – красота? Погодите, мы еще сегодняшние фото не выложили. Небо о-бал-де-енное!» И куча смайликов. Да. Джози Спунер была жуткая показушница – выкладывала в сеть каждый свой шаг. У меня часто всплывали сообщения: то она постила, как пьет кофе под девизом «Порву этот понедельник!», то «Все люди – дураки. Не хочу о них говорить». Не знаю, почему я ее не удалила. С тех пор как мы уехали из Северной Каролины, я с ней ни разу не разговаривала. С другой стороны, если

удалять каждого, кто меня раздражает, в друзьях никого и не останется.

Глядя в телефон, я вдруг уловила краем глаза нечто... А именно – Каэла, который в камуфляжной форме шагал по дорожке.

Я опустила стекло и окликнула его.

Он подошел к машине и нагнулся к окну.

– Куда направляешься? – спросила я довольно бесцеремонно.

– В часть.

– Сейчас? Пешком?

Можно подумать, меня касаются его дела.

Он пожал плечами.

– Да. У меня там машина. И вся одежда.

– Это же далеко.

Каэл опять пожал плечами.

Неужели и вправду собрался отшагать три мили?

Я взглянула на приборную панель: на часах семь. Я уже должна стоять у двери отца, а я сижу здесь, разрываясь в сомнениях – подвезти Каэла или нет? В конце концов нам ведь по пути... Возможно. Форт-Беннинг будет поменьше, чем, скажем, Форт-Худ[2 - Форт-Худ – военная база США в штате Техас.], но тоже довольно большой.

Каэл выпрямился и двинулся прочь. Я снова его окликнула, чисто машинально:

– Тебя подвезти? Я еду через западный въезд... а твоя казарма где?

– У Паттона, тот же въезд.

– Как раз возле меня. То есть возле отца. Садись.

Я обратила внимание, как он разминает пальцы, и вспомнила Остина – тот вечно дергался, когда мы ехали к маме. Сидел вместе со мной на заднем сиденье и до крови ковырял заусенцы на ногтях.

Каэл кивнул и молча шагнул к задней двери.

– Это не такси, – пошутила я.

И он сел вперед.

Да уж, непривычно. Моя всегдашняя пассажирка – крошечная Элоди, а этот здоровенный тип уперся коленями в приборную доску. Пахло от него моим кокосовым гелем для душа.

– Можно подвинуть сиденье, – подсказала я.

Я дала задний, и двигатель на миг поперхнулся. Мой верный «Шевроле» девяностого года, только на нем я и ездила, а купила за пятьсот долларов, скопленных в основном за счет чаевых в пиццерии, где работала в выходные и после уроков.

Среди моих друзей никто больше в старших классах не работал. В нашей маленькой компании вечно жаловались, что я занята, старались утащить меня с работы на вечеринку, на озеро или просто покурить травку за парковкой начальной школы, где мы тусовались. Да, начальной школы. Мы были раздолбаями, но я хотя бы за свое раздолбайство сама платила.

– А-а, черт! – простонала я.

Автомобиль, слегка скрипнув, тронулся с места.

Писать папе сообщение, что опаздываю, я не стала. А то получила бы двойной выговор: сначала в письменном виде, потом в устном, чтоб наверняка дошло. Вот такой у меня папа.

Ох уж эти вторники.

Глава 17

Улица казалась пустой, словно все уже давно ушли. Каэл накинул ремень, а я, как обычно, проигнорировала тихое звяканье, которым моя машинка напоминала, что нужно пристегнуться. К счастью, модель была старая – раз-другой звякнет и больше не пристает.

Насколько я поняла, беседа – не его конек, поэтому включила радио. Никогда еще мне не было так неловко. Сама не знаю, в чем дело, но меня тянуло непременно говорить. А собственно, зачем сотрясать воздух, наполнять пустоту словами? Может, это как раз Каэл ведет себя правильно, а все прочие – нет?

По радио крутили песню, которой я еще не слышала, хотя голос Шона Мендеса[3 – Шон Мендес – канадский автор и исполнитель песен в стиле поп, фолк-поп, поп-рок.] узнала сразу. Прибавила громкость, и мы ехали молча до самой части. Я очень надеялась, что казарма Каэла недалеко. Я вообще стараюсь в часть не заезжать, только по необходимости или если нужно к доктору, – обычно это и есть единственная необходимость.

Замигал индикатор уровня бензина – напоминание о моей безалаберности. Шон Мендес кончил петь, пошла реклама клиники для похудения, затем недорогого проката авто; «Огромные скидки для военных!» – чуть не кричал диктор.

– Можно переключить, – предложила я, как радушная хозяйка. – Ты какую любишь музыку?

– Эта годится.

– Ладно.

Я свернула с шоссе. По счастью, очередь у КПП – контрольно-пропускного пункта – была маленькая.

– Приехали, – сказала я. Как будто Каэл сам не видел.

Он чуть повернулся и достал из кармана потрепанный бумажник, извлек оттуда и протянул мне военный пропуск. Когда его горячие пальцы коснулись моих, я невольно отдернула руку, и пропуск упал между сиденьями.

– Черт! – Я сунула пальцы в щель и кое-как его выцарапала.

– Добро пожаловать в наш славный гарнизон, – приветствовал постовой.

– Seriously, что ли? – поддразнила я. С тех пор как солдатам было велено произносить эту дурацкую фразу, я просто удержаться не могла.

– Да, – невозмутимо сказал солдат. Проверил наши пропуска, наклеил мне на стекло бирку и пожелал приятного вечера.

Конечно, ему было на нас наплевать. Решил, наверное, что мы парочка. Принял меня за дешевую шлюшку, которая будет ублажать клиента, в то время как на соседней койке храпит его товарищ.

– Не знаю, куда ехать, – сказала я.

Каэл выключил радио и пробормотал «Направо», как раз когда я проезжала перекресток.

– Прямо здесь? – Я крутанула руль и едва успела повернуть.

Он кивнул.

– А на следующем светофоре – налево. Вот здесь!

Мало того, что я безнадежно опоздала к отцу и в машине кончался бензин, – у меня еще и ладони вспотели. И Каэл ко мне повернулся как раз тогда, когда я

попыталась незаметно вытереть их о джинсы.

– Справа. Большое коричневое здание, – сказал он.

Дома были совершенно одинаковые, отличались только номерами.

– Они тут все большие и коричневые.

Каэл тихонько усмехнулся.

– Вот здесь.

Он указал на здоровенный синий «Форд», стоявший в конце почти пустой парковки. Я подъехала к нему.

– Спасибо... – Каэл смотрел на меня, словно пытаюсь что-то вспомнить.

– Карина, – напомнила я, и он кивнул.

– Спасибо, Карина.

У меня внутри что-то сжалось. Это просто нервы, сказала я себе; дело вовсе не в том, как он произнес мое имя. Я пыталась взять себя в руки, а Каэл тем временем, не говоря больше ни слова, вышел.

Глава 18

Не знаю, какую ожидала я увидеть машину, только не такой огромный «Форд». Мне почему-то думалось, что Каэл, несмотря на свой немалый рост, должен ездить на чем-то небольшом и аккуратном, а не на синем чудище с пятнами ржавчины. Вот каково фантазировать о людях: настоящая жизнь оказывается совсем другой. На автомобиле стояли номера штата Джорджия с традиционными персиками на табличке и дурацким лозунгом, а на капоте красовалась надпись «Округ Клейтон». Понятия не имею, где это.

Поскольку Каэл был приятелем Элоди, мне следовало убедиться, что он благополучно уехал. Вдруг его машина не завелась бы и ему пришлось бы топтать три мили до моего дома? Про «машина не завелась» я знала не понаслышке.

Каэл сунул руку в переднюю левую колесную арку и стал шарить по металлу над шиной. Затем ощупал остальные колесные арки, после чего полез в карман за телефоном. Лицо у него из озабоченного стало растерянным. Одной рукой он вытирал лоб, в другой держал телефон. Что он говорил, я разобрать не могла, а от искушения опустить стекло и послушать – удержалась. Было в Каэле нечто такое, в чем я желала разобраться сама.

Чем дальше я смотрела, как он ходит взад-вперед, то прижимая телефон к уху, то убирая его в карман, тем больше мне хотелось понять, какой он человек.

Я уже собралась загуглить округ Клейтон, когда Каэл открыл дверцу и наклонился ко мне.

– Ты поезжай, – сказал он.

Грубовато. Не будь он в безвыходном положении, я бы еще как ответила!

– Что, не можешь открыть машину?

Он тяжело вздохнул и покачал головой.

– Ключи были здесь... Ничего, доберусь.

– Я уже все равно опоздала туда, куда ехала.

– На ужин?

Значит, он слушал наш с Элоди разговор.

– Да, на ужин. Позвоню отцу и скажу, что не приду. Это не так уж...

– Все нормально, правда.

Однако я не могла его там бросить и так ему и сказала.

- Почему? - спросил он.

Я вылезла из машины.

- Не знаю. Тебе идти далеко. Есть где-нибудь запасные ключи? Или друг, который как-то поможет?

- Все мои друзья в Афганистане.

В груди у меня заныло.

- Извини, - сказала я, прислоняясь к машине.

- За что?

Мы посмотрели друг другу в глаза, и он заморгал.

Я быстро отвела взгляд.

- Ну, не знаю... Я о войне.

Получилось как-то глупо. Дочь военного извиняется перед другим военным за войну, что началась еще до их рождения.

- Большинство людей не спросили бы - за что.

Каэл облизал губы.

Фонари на парковке тихонько гудели и потрескивали, не давая повиснуть тишине.

- Я - не большинство.

– Вижу.

Из окон казармы на улицу лился свет. Похоже, Каэл здесь не жил. Следовательно, он либо женат, либо звание у него повыше, чем обычно бывает в его возрасте. Солдату разрешено жить отдельно, только если он женат, но я как-то не представляла, что семейный человек, вернувшись из командировки, пришел бы ночевать у меня в раскладном кресле. Да и кольца у него не было.

Я посмотрела на его шеврон, и он перехватил мой взгляд.

– Так, сержант, вы идете со мной или мне придется стоять здесь, пока вы не вызовете механика – открыть вашу машину?

На его нагрудной нашивке я прочла фамилию: Мартин. Слишком он был молод для сержанта.

– Ну, пожалуйста! – Я молитвенно сложила руки. – Ты меня не знаешь, а я скажу, что будет, если я позволю тебе тащиться пешком. Не пройдет и минуты, как меня одолеет чувство вины и будет мучить всю дорогу и во время ужина. Потом мне придется слать Элоди извинения, а она расстроится, ведь она вечно за всех переживает. Оттого, что я огорчаю беременную женщину, мне станет еще хуже, и в конце концов я поеду тебя искать. Это будет та еще морока, и лучше, если ты...

– Ладно-ладно!

Я кивнула, довольная победой. И знаете что? Каэл почти улыбнулся!

Глава 19

Где бы папа ни служил – от Техаса до Южной Каролины и Джорджии, – он всегда предпочитал жить в служебной квартире на территории части. Пока я была маленькая, не возражала, потому что все мои друзья жили тут же, но чем больше мы переезжали, тем больше я ненавидела эти чистенькие улочки с аккуратными рядами машин. Отцу было удобно, однако мы с Остином, когда

подросли, начали ощущать себя взаперти.

Помню, летом мама то и дело начинала шагать взад-вперед по дому. У нее наступали часы безумия – она не открывала занавески и спала не на кровати, а на диване. Сначала все было не очень заметно и прекращалось до папиного прихода с работы. В ней как будто жили два человека, и один сменялся другим очень быстро. В очередное лето – мы перешли в восьмой класс – болезнь победила. Мама вставала все позже, все реже мылась, перестала танцевать, а потом и шагать взад-вперед. Разумеется, перестала готовить. Родители ругались по ночам громче и громче...

– Карина! – Голос Каэла заставил меня очнуться.

Оказывается, уже давно горел зеленый. Я нажала на газ и пробормотала:

– Извини.

В груди защемило.

– Значит, так, мы идем к моему отцу, а он у меня слегка... – Я задумалась: как же описать такого непростого человека одним словом? – Он немного...

– Расист? – подсказал Каэл.

– Что? Нет!

Издевается, решила я. Потом, взглянув на него, поняла: Каэл говорит серьезно.

– Он не такой.

Отец никогда, ни словом, ни делом не давал оснований считать его расистом.

– Он просто... зануда.

Каэл понимающе кивнул и откинулся на спинку кресла.

– Ужин тянется обычно часа два. Слишком много еды для троих – и слишком много разговоров.

Я свернула на центральную аллею – единственную хорошо знакомую дорогу. До дома отца оставалось пять минут. А опаздывали мы на двадцать шесть. Ничего. Я уже взрослая, и у меня серьезная причина. Как-нибудь переживут. Я повторяла это себе снова и снова и уже придумывала, как извиняться, не упоминая, что у меня будет ночевать малознакомый человек.

Завибрировал мобильник. Остин. Я поспешно схватила трубку. Уже и не помню, когда он в последний раз мне звонил.

– Нужно ответить, это... – Договаривать я не стала, а крикнула в трубку: – Алло?

В ответ – тишина. Проклятье, не успела. Я стала перезванивать, однако Остин не отвечал.

– Если загорится экран, скажешь, ладно? Звук барахлит.

Каэл кивком выразил согласие.

Я свернула на папину улицу и оставшиеся две минуты придумывала себе какое-нибудь достижение. Надо найти тему для разговора – после того, как обсудят мое опоздание. Отец всегда спрашивает одно и то же. И у меня, и у своей женушки. Разница есть: ей, чтобы удостоиться похвалы, достаточно насадить новую клумбу или сходить к соседям на детский праздник, а я, даже если, к примеру, спасу небольшой город, услышу: «Ты, конечно, молодец, Кари, но город совсем небольшой! Остин как-то раз спас город побольше, а Эстелла построила целых два».

Конечно, неправильно сравнивать себя с братом. Или с женой отца. Просто бесит, до какой степени Эстелла настроена против меня. Да еще Остин всегда был папиным сыном, а я – маминой дочкой. Брату такой расклад больше пошел на пользу, чем мне.

– Почти приехали. Мой отец слишком долго прослужил в армии, – сообщила я.

Каэл – солдат, значит, в дальнейших пояснениях не нуждается.

Он кивнул и отвернулся к окну.

– А ты сколько служишь?

Прежде чем ответить, Каэл тяжело сглотнул.

– Чуть больше двух лет.

Я хотела спросить, нравится ли ему, но мы уже подъехали к дому.

– Мы на месте. Это такая жуть – три блюда, светский треп, а потом еще кофе. Два часа как минимум.

– Два часа?

– Знаю-знаю. Хочешь в машине подождать?

Каэл открыл дверь, а я все сидела. Посмотрела на себя в зеркало. Волосы почти высохли, но из-за влажного воздуха рассыпались на пряди.

Я взяла телефон. Остин так и не перезвонил.

– В общем, какой бы ужас ты ни представил, будет еще хуже.

По-моему, Каэл сказал «Угу». Только когда он захлопнул дверцу, до меня стало доходить: привести на ужин к отцу чужого человека – очень неудачная идея.

Глава 20

Я нервно вытирала ладони о штаны, как всегда, когда волнуюсь.

У дверей предупредила:

– Говорить предоставь мне. Я сама объясню, почему мы опоздали. Точнее, я опоздала.

Совершенно лишние слова. Он – солдат, умеет молчать.

Мы вошли в кухню, наполненную ароматами меда, корицы и еще чего-то, похожего на ветчину. Праздничный запах.

– Извините за опоздание, – сказала я. – Пришлось немного задержаться на работе, а потом помочь приятелю Элоди. – И я представила им Каэла.

Папа восседал во главе стола. Он не читал газету, не слушал радио... просто ждал. Я смотрела на грубо вытесанное лицо, на редующие седые волосы. Кожа у него стала тонкая, как бумага. Все родственники по отцовской линии сидели рано. Женщины выглядели эффектно, по крайней мере на фото, но я надеялась, что пошла в маму. Время покажет.

Отец перевел взгляд с меня на Каэла, и тот чуть качнулся назад. Нервы или машинально? Мой отец, хотя и метр с кепкой, кого угодно заставит вздрогнуть. Захочет – будет сама доброта, а захочет – как ледяной водой окатит.

– Мартин, добро пожаловать.

Отец протянул Каэлу руку. Я стояла в ожидании выговора, но тут вошла Эстелла, неся супницу с торчащей из нее большой деревянной ложкой.

– Привет! – поздоровалась она. Как обычно – радостно и фальшиво.

Эстелла всегда одевалась одинаково: слегка расклешенные джинсы и рубашка. Всегда. Сегодня рубашка была в красно-синюю полоску. По традиции – приталенная, чтобы, как выражалась Эстелла, «создать изящный силуэт». Меньше всего меня интересовала ее манера одеваться (как и вся ее жизнь), но она с самого начала поведала, что любит покупать облегающие рубашки, – они, мол, стройнят. Рассказывая, Эстелла всячески изгибалась, изображая фотомоделю. Видно, очень хотела подружиться с дочерью своего тогда еще

только друга. Мне было противно.

Привычку вечно одеваться в одном стиле я считаю дурацкой. Вообще-то, постоянство мне нравится, только не в Эстелле. В ней мне ничего не нравится.

- О... привет! Я - Эстелла. - Ей не особо удалось скрыть удивление, что в комнате оказалось на одного человека больше.

Каэл подождал, пока она поставит супницу, и протянул руку.

- Это Каэл. Друг Филипа, мужа Элоди. Только что вернулся с места службы. - На отца я старалась не смотреть. - Он поужинает с нами, ничего? Не смог открыть машину...

Эстелла жестом пригласила Каэла сесть рядом с папой, однако я торопливо усадила его рядом с собой. Незачем ему торчать под перекрестным огнем.

- С братом ты, полагаю, уже разговаривала? - спросил папа.

Я достала мобильник.

- Пропустила вызов.

- Он едет сюда.

- Что?

Папа не спеша отпил воды.

- Его вчера арестовали.

Я даже привстала.

- Как? За что?

У папы и Остина совершенно одинаковые глаза. Остин весь в него. Я – в маму. Всю жизнь нам так говорят. Что не гарантирует правды. Яркий пример: арест брата.

– Точно не знаю. В участке не сказали. В гарнизоне я бы сразу все выяснил.

Отец был как на иголках – нервный, расстроенный. Видимо, переживал, что родитель из него получился так себе. Правильно переживал.

– И на чем он едет?

– На машине. Будет через пару часов.

Каэл постукивал пальцами по столу, стараясь выглядеть безучастным.

– А где остановится?

– Здесь, – уверенно сказал отец.

– Он-то об этом знает? – Я вздохнула и полезла за телефоном. Набрала номер брата, но услышала только автоответчик. Оставлять сообщение я не стала.

Папа насупил густые брови.

– А какая разница? Он себе нажил серьезных неприятностей. Карина, детские игры кончились. Вы оба взрослые.

– «Вы оба»? – фыркнула я. – Меня-то не арестовали. А Остин даже не здесь и не может за себя постоять. Вряд ли это справедливо.

Пока мы спорили, Эстелла, как всегда, суетилась вокруг папы. Он говорил о неясном будущем своего единственного сына, а она накладывала ему на тарелку еду. Мы оба повысили голос, а Эстелла держалась с обычной веселостью.

Каэл смущенно поерзал.

- Попробуйте ветчины, - предложила Эстелла.

Именно такая жена и требовалась отцу на старости лет. Чтобы изображала невозмутимую заботливую супругу. Маму можно было сравнить с ураганом; Эстелла даже на слабый ветерок не тянула.

- Желе я готовлю по старому семейному рецепту. Угощайтесь. - Эстелла подвинула Каэлу полный густой жидкости соусник в деревенском стиле. Она купила его по интернету и хвалилась, что он «настоящий плантаторский».

Каэл поблагодарил.

Я сказала отцу, что он сам виноват, раз отослал Остина. А отец обвинил во всем меня.

Эстелла протянула мне ветчину, я заявила, что не голодна, и желудок тут же меня выдал урчанием.

- Какой ты еще ребенок, - заметил папа. И улыбнулся, как бы извиняясь за сказанное.

- Минуту назад ты говорил, что я уже взрослая. Теперь - что я ребенок. Так как же?

Вообще-то я ненавижу пререкаться, но отец меня вечно доставал. Особенно когда речь шла о моем брате.

- Почему ты притворяешься, будто дело пустяковое? Это не пустяки, это очень серьезно.

- Такое ведь уже случилось.

- Один раз. Он не профессиональный преступник.

- Давай не будем переживать за него раньше времени. Сделать мы ничего не можем. В конце концов, он мужчина, ему почти двадцать один.

Отец как-то слишком спокойно отнесся ко второму аресту брата. Жаль, я лишена такого самообладания.

Мне не сразу удалось переключиться на другие мысли. Зато у папы чувства легко менялись на противоположные, как и у мамы. Она была в этом отношении еще хуже. Или лучше. Как посмотреть.

В животе у меня опять заурчало, и я сдалась – стала накладывать себе еду. Каэл принялся за картофельное пюре: решил, наверное, что мы успокоились, и ужин пошел своим ходом.

Телефон я положила на стол, экраном кверху, – вдруг Остин пришлет сообщение, да и мало ли что. И старалась не думать о том, как он едет сюда совершенно один, напуганный арестом да еще предстоящей встречей с папочкой.

– Каэл, а ты насовсем вернулся? – Эстелла поспешила увести разговор подальше от семейных неурядиц. Я была почти благодарна.

– Полагаю, да, мэм. Хотя не уверен.

Держался он безупречно. Мне очень хотелось выведать о нем побольше. Наверное, мама у него славная. Сто лет не слышала, чтобы люди моего возраста называли кого-то «мэм».

Каэл вежливо отвечал на вопросы, которыми забрасывала его Эстелла, и каждое слово четко артикулировал. Возможно, он любил говорить куда больше, чем могло показаться.

Когда мы приступили к десерту, я уже и забыла о своем опоздании. Арест Остина нарушил естественный ход событий. Не впервые брат оказал мне такую услугу.

– Славно посидели. – Эстелла неловко топталась рядом, ожидая, что я ее обниму. Иногда я ее обнимала, иногда – нет.

– Позвоните, когда Остин приедет.

Каэл стоял в дверях, одной ногой уже за порогом.

Папа меня обнял.

– Какие у тебя планы на выходные? Мы едем в Атланту; если хочешь...

– Я работаю.

Атланту я любила, но не ехать же с ними. И потом, разве у них не изменятся планы из-за Остина?

– Каэл, рада была познакомиться. Счастливого пути.

Эстелла многозначительно улыбалась. Решила, наверное, что Каэл – мой парень. Когда я подталкивала его к двери, она смотрела с таким любопытством...

Я поскорее вышла на крыльцо, пока никто больше ни о чем не спросил, и почти побежала к машине.

– Ненавижу эти ужины!

Даже после того, что было у папы, Каэл не сказал ни слова.

– А у тебя есть семья?

Я не ждала ответа, просто хотелось нарушить тишину.

– Семья? – переспросил он.

– То есть я понимаю, что семья у тебя есть, иначе ты бы на свет не родился... Они такие же? – Я кивнула на дом.

– Нет. Совсем другие.

– В хорошем смысле или в плохом?

– И так, и так. – Каэл пожал плечами.

– Наверное, я бешусь, потому что Эстелла совершенно не похожа на маму. Она была прелесть. Мама, не Эстелла, – уточнила я, хотя он не спрашивал. – Любила смеяться и слушать музыку. Танцевала по комнате под песни Вана Моррисона[4 - Ван Моррисон – ирландский певец и автор песен в стиле рок, блюз, ритм-н-блюз, фолк-рок и др.], размахивая руками как крыльями, словно птичка или бабочка. Господи, кажется, целая вечность прошла!

Мне отвечал только рокот мотора, пробивавшийся через густой воздух Джорджии. Раньше я и не замечала этого звука. Некогда было.

– А наши дни рожденья! Как она старалась! Целая неделя – сплошной праздник. С деньгами у нас было туго, зато мама умела придумывать. Однажды она украсила весь дом светомузыкальными гирляндами от «Спенсера». Помнишь такой магазин?

Каэл кивнул.

– Мама развесила их в гостиной и кухне. Все наши друзья пришли. То есть ко мне-то приходило человека три, а остальные – к Остину. Вечно полон дом народу. У меня был приятель, Джош его звали. Он принес мне кукурузного хлеба. Такой подарок на день рожденья.

Сама не знаю, с чего я пустилась в подробности, но, начав вспоминать, никак не могла остановиться.

– Не представляю, зачем он принес этот хлеб. Может, девать было некуда. Зато помню лучший подарок – караоке. А потом мама ушла к себе и закрыла дверь, и мы почувствовали себя совсем большими – одни, без взрослых! Стали играть в дурацкие игры, и мне пришлось целовать мальчика по имени Джозеф... кстати, несколько месяцев назад он перебрал с героином.

Я чувствовала взгляд Каэла, но – странное дело – замолчать не могла. Мы остановились на перекрестке. Небо было черное, совершенно ночное, на темную кожу Каэла ложились красные блики от светофора.

– Ой, боюсь, я слишком разболталась.

– Ничего, – почти прошептал Каэл.

Что же он из себя представляет? Такой терпеливый, спокойный, внимательный. Я попыталась сравнить его с мужем Элоди. Филип жизнерадостный, общительный, а Каэл... даже не знаю, что о нем и думать.

Давненько я не вела ни с кем таких разговоров, если вообще вела. Единственный, с кем я вспоминала родителей, – Остин.

– Мы с мамой и сестрой жили в Ривердейле. – Неожиданно резкий голос Каэла перекрыл рокот мотора и шум ветра.

– «Ривердейл» – отличный сериал, мне нравится, – сказала я, и Каэл едва заметно улыбнулся.

– И мне нравится.

– Город или сериал?

– И то, и другое, – уже серьезно ответил он.

– А сестра – старшая? – Я решила воспользоваться его неожиданной разговорчивостью.

– Младшая.

Я не успела уточнить, сколько же ей, – подъехали к моему домику.

– И мой брат младше. Примерно на шесть минут.

Обычно люди в ответ смеются. Каэл опять никак не отреагировал, я лишь почувствовала на себе его взгляд.

У самого дома ветер ударил пылью в ветровое стекло, и пункт «Замостить дорожку» поднялся в моем списке на несколько позиций. Заглушив мотор, я еще раз извинилась за сцену у папы. Каэл кивнул и выдал свое отношение: «Да ничего».

Я достала из-за сиденья сумочку.

– Ну, ты-то с ними больше не столкнешься. А мне туда в следующий вторник, ровно к семи.

«Ровно к семи» я сказала скорее для себя, чем для Каэла. Если опять опоздаю, мне точно несдобровать.

В безлунные ночи, вроде этой, у нас не видно ни зги. Каэл посветил телефоном на крыльцо.

– Нужно сделать освещение...

Он шагал рядом со мной и оглядывал двор. Я представила его в Афганистане: тяжелое оружие на плечах и другое бремя, – защита свободы.

– Моей сестре, кстати, пятнадцать, – сказал Каэл, первым входя в дом.

Глава 22

Элоди съездившись спала на своем диванчике. Я разулась, укрыла подругу ее любимым одеялом. Его сшила для Элоди бабушка, давным-давно. Оно уже пообтрепалось и стало ветхим. Хотя бабушка умерла несколько лет назад, Элоди до сих пор плакала, когда ее вспоминала. Наверное, она скучала по родным. Далеко от семьи, беременная, муж на войне... О родителях Элоди особо не распространялась; по-моему, они были не в восторге оттого, что их дочь сбежала в Америку с молоденьким солдатом, с которым познакомилась в интернете. И

немудрено.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Форт-Беннинг – военная база США на территории штатов Джорджия и Алабама.
(Здесь и далее прим. перев.)

2

Форт-Худ – военная база США в штате Техас.

3

Шон Мендес – канадский автор и исполнитель песен в стиле поп, фолк-поп, поп-рок.

4

Ван Моррисон – ирландский певец и автор песен в стиле рок, блюз, ритм-н-блюз, фолк-рок и др.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/anna-todd/samye-yarkie-zvezdy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)